

СООБЩЕНИЯ

К ИСТОРИИ ШЕЛКОТКАЦКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ в 30—50-х годах XIX века

П. Я. Букипан

Характерной чертой развития промышленности России в 30—50-е годы XIX в. являлся упадок вотчинных и посессионных предприятий и все возрастающее значение капиталистической мануфактуры. Технический прогресс в ряде отраслей промышленности способствовал перерастанию мануфактуры в капиталистическую фабрику. На предприятиях шире применялся вольнонаемный труд. В это же время наметились признаки промышленного переворота в России.

В работах А. М. Панкратовой, В. К. Яцунского, С. Г. Струмилина¹ и других выяснены основные принципиальные положения, характеризующие промышленный переворот в России. Некоторые авторы придерживаются мнения, что отправным моментом этого процесса является конец 30-х годов XIX века. Внимание исследователей, занимающихся изучением промышленного переворота, сосредоточено преимущественно на наиболее важных в экономическом отношении или технически развитых отраслях промышленности (металлургической, хлопчатобумажной), где механизация способствовала расширению производства, росту прибылей и накоплению капиталов, формированию кадров пролетариата.

В то же время такие отрасли промышленности, издавна существовавшие в России, как шелкоткацкая, керамическая, кожевенная, оказались слабоизученными. В этих отраслях переход к механизации основных производственных процессов, перерастание в фабрику окончательно совершились лишь в конце XIX века. Но и они (хотя и в меньшей мере) были затронуты промышленным переворотом.

Монографических исследований по истории шелкоткацкой промышленности до сих пор нет. Хотя в работе И. В. Мешалина «Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века» (М.-Л. 1950) шелкоткацкое производство подробно рассматривается, его работа коснулась лишь ткацких промыслов крестьян и их связи с развивавшимся капиталистическим производством. Неопубликованная диссертация Л. Т. Романченко «Развитие шелковой промышленности в Московской губернии» (защищена в 1952 г.) носит статистико-экономический характер. Статьи С. Киселевской, Н. В. Устюгова, М. Ф. Злотникова², опубликованные в 1932—1933 гг., наряду с другими материалами

¹ «Рабочее движение в России в XIX веке». Сборник документов и материалов под редакцией А. М. Панкратовой. Т. I, ч. 1-я. М. 1955. Вступительная статья, стр. 7—108; С. Г. Струмилин. Промышленный переворот в России. М. 1944; В. К. Яцунский. Промышленный переворот в России (к проблеме взаимодействия производительных сил и производственных отношений). «Вопросы истории», 1952, № 12, стр. 48—70.

² С. Киселевская. Купавинская фабрика. «Записки историко-бытового отдела Государственного Русского музея». Т. II. Л. 1932, стр. 136—165; Н. В. Устюгов. О волнении крепостных рабочих на шелковой фабрике помещика Окулова в Бронницком уезде, Московской губернии, в декабре 1841 года. Журнал «История пролетариата», 1933, № 4, стр. 207—213; М. Ф. Злотников. К вопросу о заработной плате рабочих в крепостной России. Сборник «История пролетариата СССР», №№ 1—2. 1933, стр. 238—287.

содержат интересные сведения по истории производства, классовой борьбы на отдельных шелкоткацких фабриках или освещают вопросы рабочей силы и заработной платы в шелкоткацкой промышленности.

В настоящей статье рассматриваются особенности формирования капиталистических производственных отношений в шелкоткацкой промышленности 30—50-х годов. В этот период шелкоткацкая промышленность была сосредоточена преимущественно в Московской губернии (точнее, в Богородском уезде, частично в Коломенском), в Москве и ее уезде. Шелкоткацкие предприятия в других районах России или не имели самостоятельного значения, как, например, во Владимирской и Ярославской губерниях (работали на более крупные шелковые заведения Москвы и Московской губернии), или вообще не работали на широкий рынок, обслуживая лишь царский двор и его окружение.

В 30—50-х годах XIX в. в Москве сложились благоприятные условия для развития шелкоткачества. Здесь сравнительно просто решался вопрос о наемной рабочей силе. Кроме того, дворянско-купеческая Москва была крупным потребителем шелка.

Однако развитие хлопчатобумажной промышленности привело к появлению на внутреннем рынке в середине XIX в. сравнительно дешевых и добротных бумажных тканей. Продукция шелкоткацкой промышленности оказалась частично вытесненной, производство начало сокращаться. Достаточно сказать, что с 1830 по 1860 г. численность рабочих в ней снижалась всего на 6%, достигнув 14 287 человек³.

По данным Л. Самойлова, к 1843 г. шелкоткацких фабрик в Московской губернии насчитывалось 158, но около 30 из них нельзя отнести к самостоятельным заведениям (из-за малого количества станов и занятых на них рабочих)⁴. По другим сведениям, число шелковых фабрик в 1842 г. достигало 135. Если придерживаться этой цифры (так как вероятнее всего в нее не включены мелкие мастерские), то окажется, что на 135 предприятиях работало 13 166 человек, станов имелось 8 280, а объем производства составлял 5 260 297 рублей серебром⁵. В 1853 г. в Московской губернии было примерно такое же количество шелкоткацких мануфактур, но рабочих на них было около 12 тыс. чел., станов — приблизительно 10 200, а объем продукции достиг 5 700 000 рублей⁶.

Следовательно, шелковая промышленность развивалась медленно. Однако социально-экономические изменения затронули и ее.

Среди предприятий шелковой промышленности 30—50-х годов XIX столетия в Московской губернии наряду с капиталистическими мануфактурами купцов и «капиталистских» крестьян (число их колебалось в пределах 130—150) еще существовали и доживавшие свой век посессионные и вотчинные заведения купцов и дворян (4—5 предприятий, не более). Правда, в это время исчезают принципиально важные отличия посессионной мануфактуры от капиталистической. В шелкоткацкой мануфактуре, независимо от ее происхождения, начали проявляться капиталистические тенденции. Анализ документов архивных фондов Абамелек-Лазаревых и Юсуповых вскрывает различные стороны производственной и торговой деятельности крупных посессионных шелкоткацких мануфактур в подмосковных селах Фрянове и Купавне. Развитие капиталистического производства подтверждается фактами, цифрами, классовой борьбой. В 1837 г. на Фряновской мануфактуре купцов Рогожиных, кроме приписных и

³ См. А. Г. Рашин. Формирование промышленного пролетариата в России. Статистико-экономические очерки. М. 1940, стр. 30—31.

⁴ Л. Самойлов. Атлас промышленности Московской губернии. М. 1845, стр. 35.

⁵ «Московские губернские ведомости», 7 ноября 1842 года. Прибавление к № 45, стр. 925.

⁶ С. Тарасов. Статистическое обозрение промышленности Московской губернии. М. 1856, стр. 17—24, 122, 137, 149, 151, 159—160, 172—178.

покупных, было 400 вольнонаемных, а впоследствии их стало еще больше⁷.

Изучая экономический строй русской мануфактуры, В. И. Ленин обратил внимание на разнообразие форм зависимости фабричных людей. Со временем все они сводились к одной: к купле-продаже рабочей силы. Между хозяином и рабочим постепенно возникала стена: первый превращался лишь во владельца капитала, второй — в объект капиталистической эксплуатации.

Однако в шелковом производстве была своя специфика, отличавшая его от быстро растущего в техническом и организационном отношениях хлопчатобумажного. Слабое развитие техники и трудности в закупках и обработке шелкового сырья способствовали сохранению на долгое время мелких заведений без всякого разделения труда или имевших лишь незначительные признаки его. Предприятия, на которых было занято несколько десятков наемных рабочих, являлись мастерскими типа простой капиталистической кооперации или стояли между ней и мануфактурой.

В ведомостях за 1856 г., составленных фабрикантами по требованию министерства финансов, имеются сведения по 83 купеческим фабрикам: пять из них были незначительными мастерскими с 16 рабочими одной профессии; пять других представляли более крупные мастерские, в которых работало 20—30 чел.; разделения труда не было, все занимались только ткачеством. Подобные предприятия В. И. Ленин относил к мастерским простой капиталистической кооперации. На остальных 73 существовало разделение труда. Его применяли 34 заведения на четырех — пятнадцати производственных операциях. Эти предприятия можно причислить к мелким, средним и крупным по величине мануфактурам. На 39 разделение труда находилось в зачаточном состоянии (наряду с ткачами работали только шпульники и сновальщики). В 13 заведениях мастерами и управляющими были сами хозяева, но зато на крупных мануфактурах для руководства производством существовали приказчики, управляющие и мастера различных специальностей⁸. Часто главное внимание владельцы уделяли торговле, а иногда имели несколько фабрик в разных местах или наряду с шелковым делом занимались другим производством.

Широкое распространение получила рассеянная мануфактура с использованием наемного труда. Типичным образцом мануфактуры такого типа являлась фабрика купца Я. П. Рошфора в Московском уезде. В 40—50-е годы она имела оборот в 400—500 тыс. руб. серебром. Фабрика вдовы Сапожниковой помещалась в Москве и имела 70 станков, которые обслуживало до 100 рабочих. «Сверх того, в Московской губернии в уездах Богородском и Звенигородском вырабатываются для Сапожниковой на 300 станах разные шелковые гладкие и узорчатые изделия и работой этой занимаются до 350 человек»⁹. Из общих цифр далеко не всегда можно представить организационную структуру мануфактуры. В ряде случаев бросается в глаза, что в ведомости показано малое количество станков и рабочих, а сумма годового производства несоразмерно большая. Очевидно, по какой-либо причине не включены в расчет станы и наемные рабочие в крестьянских избах и светелках.

Капиталистическая эксплуатация вовсе не требовала территориального сосредоточения рабочих и развитой техники. При слабом развитии техники шелкоткачества, неустойчивости сбыта вообще и неплохом, между

⁷ Государственный исторический архив Московской области (ГИАМО), канцелярия московского гражданского губернатора, ф. 17, оп. 8, св. 2447, 1837 г., д. 11, лл. 109 об-110.

⁸ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), департамент мануфактур и внутренней торговли министерства финансов, ф. 18, оп. 2, 1856 г., д. 1517, лл. 447—458, 461—482, 487—494, 499—500; д. 1520, лл. 1—117.

⁹ ГИАМО, канцелярия московского гражданского губернатора, ф. 17, оп. 22, св. 768, 1849 г., д. 281, л. 4.

тем, спросе на дешевые, но грубые изделия (например, платки), наличием обездоленных крестьян с навыками к ткацкому труду рассеянная мануфактура была даже выгоднее экономически.

В книге «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин показал на примере многих отраслей промышленности, что мануфактурный «период развития капитализма,— со свойственным ему сохранением связи работника с землей, с обилием мелких заведений вокруг крупных — трудно, почти невозможно себе представить без раздачи работы по домам»¹⁰. При домашней системе работы в рассеянной мануфактуре неизбежно существование многих мастерков, посредников между капиталистом и сотнями или тысячами эксплуатировавшихся им работников.

«Московские губернские ведомости» писали в 1845 г. о Павловском посаде, что почти все его жители «или фабриканты, или торговцы и ремесленники»¹¹. К категории фабрикантов здесь причислены не только крупные мануфактуристы (в Павловском посаде их было мало), но и мастерки-посредники. «Занимающиеся на домашних станах тканьем материй, равно как трощением шелка, размоткой его и бумажной пряжи,— отмечал обследовавший промыслы государственных крестьян в 1842 г. Д. Протопопов,— получают материал от фабрикантов или сами непосредственно или чрез мастерков, то есть крестьян, которых все занятие состоит в том, чтобы ездить к фабрикантам за материалами и раздавать их в своих селениях желающим, вычитая за то несколько процентов из платы, причитающейся за работу по назначению фабриканта»¹². Московский первогильдейный купец и фабрикант И. В. Залогин в 1857 г. открыл в доме крестьянина Ильина (деревня Тарасовка, Московского уезда) заведение для размотки шелка на нужды шелкоткацкой фабрики. Залогин дал станки и машины, крестьянин Ильин — помещение, в котором по найму работало 4 мужчины и 70 женщин. Получая плату сдельно с каждого пуда размотанного шелка, Ильин являл собой классический тип посредника-мастерка¹³.

В статистическом обзоре основного шелкоткацкого района — Богородского уезда — все фабрики делились на три группы: 1) предприятия, насчитывавшие свыше 16 рабочих; 2) кустарные мастерские, работавшие на крупные фабрики; 3) мелкие, имевшие небольшое число станков и работавшие на свой счет¹⁴ (очевидно, это светелки, сдававшие свою продукцию крупному предприятию и получавшие оттуда сырье без помощи посредников). Кустарные мастерские могли быть и маленькими центрами, где сосредоточивалась эксплуатация ткачей, трудившихся на дому. Количество мастерских второй группы, вероятно, было значительным. В ведомости за 1817 г. из 111 шелковых заведений 83 имели менее 20 рабочих, но на 293 чел. было 1 364 стана. В 49 из 83 случаев разительной была диспропорция между числом станков и людей (например, 75 : 3, 110 : 3, 43 : 5, 51 : 4 и т. п.). Только 34 владельца ткацких мастерских могли обрабатывать шелк силами своей семьи (соотношение между станами и наемными рабочими — 5 : 2, 4 : 2, 7 : 6, 6 : 4 и т. п.). Почти все они крестьяне. Очевидно, была сильно распространена работа ткачей на дому на станах крупных мануфактуристов или мастерков¹⁵. Станы статистикой учитывались, а нанимавшиеся за гроши кустари в счет не шли. Условия, на которых

¹⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 386—387.

¹¹ «Московские губернские ведомости», 2 июня 1845 года. Прибавление к № 22, стр. 155.

¹² Д. Протопопов. О промыслах государственных крестьян Московской губернии. «Журнал Министерства государственных имуществ», 1842, № 2, стр. 240—241.

¹³ ГИАМО, канцелярия московского гражданского губернатора, ф. 17, оп. 31, св. 906, 1857 г., д. 85, л. 3.

¹⁴ «Статистические сведения о Богородском уезде в промышленном отношении». «Журнал мануфактур и торговли», 1834, № 1, стр. 18—19, 21—22.

¹⁵ ЦГИАЛ, департамент мануфактур и внутренней торговли министерства финансов, ф. 18, оп. 2, 1817 г., д. 223, лл. 45 об.-48.

строились взаимоотношения богатых фабрикантов и мастерков-посредников, устраивали владельцев крупных капиталов и были выгодны также их агентам-мастеркам. И те и другие эксплуатировали связанных с землей крестьян-ткачей, не имевших средств купить дорогой шелк-сырец и самостоятельно завести ткацкие станы.

В. И. Ленин называл отношения мануфактуристов с их агентами-мастерками, с одной стороны, и обездоленными крестьянами промышленных сел, с другой, «худшими формами эксплуатации». Он указывал на потогонную систему труда, низкий жизненный уровень ткачей, непомерную длину рабочего дня, привлечение к производству женщин и детей, разобщенность рабочих между собой и на другие моменты, характеризующие производственные отношения в рассеянной мануфактуре¹⁶. Трудящиеся кустари-ткачи составили в дальнейшем резервную армию труда для фабрики. Капиталисты-купцы превращались в крупных фабрикантов (например, Соловьевы, Сапожниковы и другие).

Централизованная мануфактура в шелковой промышленности была невелика по объему производства. Предприятия, имевшие более 500 рабочих, насчитывались единицами (в 1852 г. — всего 2, а от 100 до 500 человек — 14)¹⁷. На фабрике Кондрашевых в 1843 г. работало 1 579 чел., на мануфактуре Ефимовых — 2 058 чел., а у братьев Чернышевых — 1 040 человек. Три самых крупных предприятия давали в 1843 г. по стоимости немногим более 12% всей продукции, а большая часть шелковых тканей, как видно из таблицы, производилась еще на мелких фабриках¹⁸.

Группы предприятий по числу рабочих	Число предприятий		Число рабочих		Объем производства в рублях серебром	
	Абсол.	%	Абсол.	%	Абсол.	%
До 16 чел.	23	15,6	227	1,4	80 960	1,4
16—99 чел.	97	65,6	4 280	27,0	2 338 116	40,9
100—499 чел.	22	14,8	4 388	27,7	2 085 386	36,4
500—999 чел.	3	2,0	2 285	14,4	516 508	9,0
1 000 и более	3	2,0	4 677	29,5	704 902	12,3
Итого	148	100,0	15 857	100,0	5 725 872	100,0

Удельный вес крупных предприятий, как видим, невысок, но он все же заметно возрос в сравнении с данными ведомости о мануфактурном производстве за 1809 год. Самое известное шелкоткацкое предприятие принадлежало Кондрашевым. Оно давало в некоторые годы около 500 тыс. рублей дохода. В 1843 г. оно размещалось в 15 каменных и деревянных корпусах. Его оборудование состояло из 431 стана, 300 жаккардовских приспособлений, 13 машин. После смерти И. М. Кондрашева наследники временно сократили производство, и в 1856 г. действующих станков осталось только 238. В ведомости показаны 310 ручных станков и машин, а также паровые машины, приводившие в действие 29 разных станков для размотки, трощения и т. д. В 1856 г. на фабрике изготовлялось 14 видов шелковых изделий; технической стороной производства руководили мастера с помощниками (всего 21 человек); применялось значительное разде-

¹⁶ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 386—392.

¹⁷ ГИАМО, канцелярия московского гражданского губернатора, ф. 17, оп. 25, св. 831, 1852 г., л. 428, лл. 14 об.-22.

¹⁸ А. Самойлов. Указ. соч., стр. 1—6, 34—36, 71—75, 81, 84, 87—93, 103, 113, 119. Мануфактуры, насчитывавшие более 500 рабочих, нередко являлись предприятиями, в которых большая часть ткачей работала дома, то есть представляла собой «рассеянные мануфактуры»; этим объясняется их более низкая производительность труда по сравнению со средними по величине, преимущественно централизованными мануфактурами.

ление труда¹⁹. Предприятие Кондрашевых, будучи централизованной мануфактурой, в техническом отношении стояло на пути к фабрике.

Своеобразие шелкоткацкого производства заключалось в том, что с ростом значения отдельных крупных фабрик не прекращалась деятельность мелких ткацких заведений, а в отдельные годы даже оживлялась. Так, в 1853 г. число мелких мастерских, насчитывавших менее 16 рабочих, но «самостоятельных», по официальным отчетам, возросло до 41 (с 23 в 1843 г.), хотя общее число предприятий осталось почти такое же, что и в 1843 году²⁰.

Отметим также, что доля фабрикантов из крестьян, владевших преимущественно мелкими заведениями, в общем объеме производства уменьшилась в 1853 г. по сравнению с 1843 г. почти в три раза, а за 50 лет — более чем в десять раз²¹. Купеческий капитал становился хозяином в этой отрасли промышленности. Наиболее важные факторы, характеризовавшие капиталистическую тенденцию в развитии шелкоткацкой промышленности, — это усиление крупной купеческой мануфактуры капиталистического типа с одновременным вытеснением купцами дворян из посессионной мануфактуры и крестьян из мелких мастерских и постепенная (правда, медленная) концентрация производства.

Экономическая природа мануфактуры частично зависела от социального состава рабочих. Эксплуатация вольнонаемных рабочих, посессионных фабричных и крепостных мастеровых в вотчинных заведениях требовала разных форм организации труда. Поэтому важное значение имеет выяснение вопроса о социальном положении и происхождении рабочих шелковых фабрик Московской губернии в первой половине XIX века.

Имеющиеся в архивных документах подробные данные по этому вопросу относятся к 1815—1817 годам. Причем сводные ведомости чрезвычайно неточны: за 1815 и 1817 гг. в подсчет не введены Купавинская и Фряновская фабрики. Более достоверны сведения за 1816 год. На 130 предприятиях шелковой промышленности работало тогда 957 приписных и покупных (12,2%), 193 помещичьих (2,5%), 6 665 вольнонаемных (85,3%); в последующие годы их обычно бывало 85—88%²². Состав вольнонаемных рабочих шелковых фабрик в 50-е годы частично можно представить по «Сведениям о женщинах и девках, работающих на фабриках Московской губернии. 1851 год». Женская рабочая сила применялась главным образом на подсобных работах в шелковой и хлопчатобумажной промышленности (в шелковой промышленности женщины составляли около 25% всех рабочих). По Богородскому уезду и отдельно по Павловскому посаду картина выглядела таким образом:

	Солдатки		Государственные крестьянки		Помещичьи крестьянки		Мещанки		Всего
	колич.	%	колич.	%	колич.	%	колич.	%	
Богородский уезд . . .	469	6,8	1 776	25,9	3 181	46,4	1 430	20,9	6 856
Павловский посад . . .	—	—	17	44,7	13	34,2	8	21,1	38
Итого:	469	6,8	1 793	26,0	3 194	46,3	1 438	20,9	6 894

¹⁹ ЦГИАЛ, департамент мануфактур и внутренней торговли министерства финансов, ф. 18, оп. 2, 1856 г., д. 1517, лл. 491—492; см. также А. Самойлов. Указ. соч., стр. 73.

²⁰ С. Тарасов. Указ. соч., стр. 17—24, 122, 137, 149, 151, 159—160, 172—178.

²¹ См. И. В. Мешалин. Указ. соч., стр. 201.

²² ЦГИАЛ, департамент мануфактур и внутренней торговли министерства финансов, ф. 18, оп. 2, 1815 г., д. 118, лл. 37 об.-38; 1816 г., д. 159, лл. 14 об.-15; 1817 г., д. 223, лл. 45 об.-48.

Прослойка мещанок составляла приблизительно одну пятую часть, на крестьянок государственных и помещичьих падало четыре пятых; так как большинство шелковых фабрик находилось в деревнях, солдаток также можно причислить к крестьянкам. Помещичьих крестьянок в главном районе шелковой промышленности оказалось около половины всех вольнонаемных рабочих²³. Фабрики Богородского уезда обеспечивали работой местное население; заметного притока рабочей силы из других уездов и, наоборот, ухода на заработки не было. Как правило, в промышленных селах неземледельческого Богородского уезда в фабричных работах участвовали целыми семьями.

В Москве в 1848 г. на всех фабриках и заводах зарабатывало себе на жизнь 18 994 крестьянина, из них больше всего пришло из земледельческих уездов с преобладанием дворянских имений (из Рузского уезда, например, около 5 тыс. чел.) и меньше (168 чел.) — из Богородского²⁴. Вероятно, большинство работавших на московских фабриках происходило из крепостных. Нет основания рассмотреть выше соображения не относиться к шелкоткацкой промышленности. Поэтому допустимо утверждение, что значительная часть (может быть, не менее половины) работавших на шелковых фабриках находилась под двойным гнетом — феодальным и усиливавшимся капиталистическим.

К 50-м годам прекратилось производство на Фряновской посессионной мануфактуре. Купавинская фабрика перешла на выделку солдатских сукон; купец Колокольников добился разрешения уволить работавших на его шелковой фабрике посессионных крестьян²⁵. Закрылись последние дворянские заведения — вся шелковая промышленность Московской губернии стала обслуживаться трудом вольнонаемных; 83 фабрики, подавшие ведомости за 1856 г., принадлежали купцам и именовались «вольными»²⁶.

Использование труда вольнонаемных из крепостных крестьян, которые платили помещику оброк и могли быть в любое время отозваны в деревню, создавало текучесть рабочей силы. В шелковом деле, где ручной труд, а следовательно, квалификация и умение мастера играли существенную роль, такая неустойчивость кадров приносила большой вред. Учитывая интересы фабрикантов, в 1835 г. правительство утвердило «Положение об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими в оные по найму». Вольнонаемные принимались на фабрику на определенный паспортный срок без права требовать повышения зарплаты. А помещик не мог вызывать работавшего по найму оброчного крестьянина до окончания срока паспорта. В том же году появился документ «О дозволении всем владельцам посессионных фабрик отпускать по паспортам приписных и покупных на посессионном праве к их фабрикам мастеровых, рабочих и крестьян». Таким образом оформлялась давно уже существовавшая практика. Меры, принятые царским правительством, способствовали обеспечению промышленных предприятий постоянными кадрами рабочих. В годы депрессии (1850—1855) сократилась численность пролетариата на крупных шелкоткацких фабриках. За первую половину 1852 г. на мануфактуре Кондрашевых из 465 чел. осталось 367 (убыло 98, 21,1%); у И. И. Соловьева из 590 к 1 июля 1852 г. работало 470 чел. (уволено 120, 20,4%)²⁷. Вооб-

²³ ГИАМО, канцелярия московского гражданского губернатора, ф. 17, оп. 24, св. 811, 1851 г., д. 330, лл. 16 об.-17, 41, 49.

²⁴ Там же, оп. 21, св. 756, 1848 г., д. 491, л. 26 об.

²⁵ ЦГИАЛ, департамент мануфактур и внутренней торговли министерства финансов, ф. 18, оп. 2, 1839 г., д. 975, лл. 11 об.-12 об., 22.

²⁶ Там же, 1856 г., д. 1517, лл. 447—458, 461—482, 487—494, 499—500; д. 1520, лл. 1—117.

²⁷ ГИАМО, канцелярия московского гражданского губернатора, ф. 17, оп. 25, св. 831, 1852 г., д. 428, лл. 2 об.-3, 14 об.-22.

ще же значительного движения рабочей силы в шелковой промышленности не наблюдалось.

Профессиональный состав вольнонаемных определялся размерами и организацией производства: чем оно было крупнее, тем больше людей занимались техническим руководством и управлением, а также вспомогательными работами. На фабрике купца И. М. Кондрашева в 1834 г. работало 1 509 чел., из них ткачеством занималось 290 (19,2%), подсобными работами (включая обработку сырья, которую производили 1 047 чел.) — 1 160 (76,9%), административно-хозяйственными делами — 35 (2,3%) и техническим руководством — 24 (1,6%)²⁸.

На средних по величине предприятиях, а также на мелких обработке сырья не производили — покупали готовую пряжу на стороне, а административной и технической стороной хозяин руководил либо сам, либо с помощью одного — двух мастеров. Так, на фабрике московского купца В. А. Полякова в 1849 г. насчитывалось 200 ткачей, 30 шпульников и 2 мастера (0,9%)²⁹. Техническое руководство играло незначительную роль. Умение и навык были важнее. Рабочий еще не превратился в придаток машины, как на капиталистической фабрике.

Интересны данные об использовании детского и женского труда на шелковых фабриках Московской губернии (без Москвы) по ведомостям за 1851 год³⁰:

Нахождение фабрик и размеры их	Всего рабочих	Мужчин		Женщин		Малолетних	
		колич.	%	колич.	%	колич.	%
Богородский уезд . . .	7 035	4 600	65,5	1 272	18,0	1 163	16,5
в т. ч. на фабриках, имеющих свыше 500 рабочих	1 527	1 137	74,5	125	8,2	265	17,3
от 100 до 500 рабочих	3 759	2 248	59,9	998	26,5	513	13,6
менее 100 рабочих	1 749	1 215	69,5	149	8,5	385	22,0
Московский уезд	621	344	55,4	174	28,0	103	16,6
Коломенский уезд	484	349	72,1	68	14,0	67	13,9
Итого	8 140	5 293	65,0	1 514	18,6	1 333	16,4

В 1855 г. в Богородском уезде на всех предприятиях работало 63,6% мужчин, 20,2% женщин и 16,2% малолетних; в шелковом производстве соответственно — 75,2%, 12,8%, 12,0%³¹. Удельный вес женского труда на самом деле был выше, так как многие фабриканты не включали в состав рабочей силы женщин, занимавшихся на дому размоткой и трощением шелка.

Применение женского труда не было здесь результатом механизации производства. Для приведения станка в действие нужна была значительная физическая сила; поэтому до появления механических станков в начале XX в. в шелковом производстве основные работы, относившиеся непосредственно к ткачеству, делали мужчины. За трудоемкие производственные операции женщинам платили намного меньше, чем мужчинам,

²⁸ ГИАМО, совет торговли и мануфактур, московское отделение, ф. 616, оп. 1, св. 1, 1834 г., л. 7, л. 64.

²⁹ Там же, канцелярия московского генерал-губернатора, ф. 16, оп. 24, 1849 г., л. 71205, л. 8.

³⁰ Там же, канцелярия московского гражданского губернатора, ф. 17, оп. 25, св. 831. 1852 г., л. 428, лл. 14 об.-22, 43 об.-50, 70 об.-72, 170 об.-172, 176 об.-177.

³¹ Там же, оп. 27, св. 861, 1855 г., л. 327, лл. 74 об.-82; оп. 30, св. 899, 1855 г., л. 732, л. 1.

даже занятым на второстепенных работах (переборщикам, сновальщикам и т. п.).

Формирование промышленного пролетариата происходило в условиях господства крепостнических отношений. Социальное положение мануфактурных работников, в большинстве бесправных крепостных и в то же время вольнонаемных рабочих, было результатом противоречивости их экономического положения. Они были связаны с землей, но, уходя на заработки в промышленность, превращались фактически в лишенных средств производства пролетариев. Значительная роль в этом процессе принадлежала крупным мануфактурам, которым с расширением производства требовался оторванный от сельского хозяйства наемный работник. В главном промышленном районе Московской губернии — Богородском уезде — из 12 984 рабочих 3 680 (28,3%) трудились на 44 мануфактурных предприятиях шелковой промышленности³². Следовательно, в пролетаризации подмосковного крестьянства шелковой мануфактуре принадлежит немалая роль.

Посессионные шелкоткацкие мануфактуры в первой половине XIX в. сохраняли некоторые черты вотчинного производства; отсутствовал один из главных признаков капитализма — свободная купля-продажа рабочей силы. Вместе с тем элементы капитализма явственно проявлялись в экономическом строе этих предприятий: посессионные рабочие и приписные крестьяне получали заработную плату. Отношения капиталистической эксплуатации, скрытые в заработной плате, переплетались с чисто феодальными отношениями, для которых обычным явлением были внеэкономическое принуждение и подневольный труд. Отсюда крайняя сложность вопроса о заработной плате посессионных рабочих.

Действующими законами содержанием посессионных предприятий запрещалось по их усмотрению свертывать производство или выпускать другую продукцию, сообразуясь с требованиями рынка, а рабочие не могли уйти; и те и другие были связаны узами феодальных отношений. В первой половине XIX в. посессионные рабочие упорно стремились сбросить с себя крепостнические путы, боролись за повышение заработной платы.

Архивные материалы подробно рассказывают о борьбе рабочих Фряновской посессионной шелкоткацкой мануфактуры дворян Лазаревых, а затем купцов братьев Рогожиных. Чиновник министерства внутренних дел Бурнашев обследовал в 1818 г. Фряновскую фабрику и написал для нее «Общее положение». Исходя из минимально низких цен на предметы первой необходимости, Бурнашев составил подробное исчисление той суммы, «которая каждому семейству нужна на годовой его прожиток». По его мнению, «мастеровые Фряновской фабрики будут вполне обеспечены, когда ткач, как главный мастеровой, получит в год от 170 до 200 рублей»³³ (такие же цифры имеются в делах за 1837 год). В своей жалобе на притеснения владельца (1821 г.) фабричные называли размеры стоимости своей рабочей силы, показанные в документе Бурнашева³⁴. Но их расчеты, несомненно, слишком скромны, если учесть, что среди фряновских фабричных был значительный процент многосемейных. Более правильная картина стоимости средств существования вырисовывается из расчета, сделанного управляющим Фряновской фабрикой. Старики, жившие в богадельне и, следовательно, меньше, чем рабочие на производстве, нуждавшиеся в пище, одежде и других расходах (дрова, освещение и пр.), потребляли на пищу и одежду: мужчины—141 руб. 35 коп.,

³² Там же, оп. 30, св. 899, 1855 г., д. 732.

³³ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), Абамелек-Лазаревы, ф. 1252, оп. 1, ч. 2, 1818 г., д. 3011, лл. 223 об.-224.

³⁴ Там же, л. 381.

женщины — 136 руб. 65 копеек³⁵. Иначе говоря, 170—200 руб., о которых писал Бурнашев, могли обеспечить лишь одного взрослого ткача, но не всю семью. По сведениям владельцев Фряновской мануфактуры братьев Рогожиных, в течение трех лет (1833—1835) в среднем на душу обоего пола приходилось 81 руб. 11 коп., то есть в 2—2½ раза меньше «необходимой» нормы. Особенно тяжелым было положение многосемейных. Типичным примером может служить заработок семьи ткача Никиты Михайловича Трифонова. В семье 6 человек. Глава семьи в 1835 г. получил 133 руб. 87 коп. (из них 69 руб. 15 коп. — деньгами; 37 руб. 94 коп. — хлебом и харчами). Из этой суммы контора вычла за освещение, топливо и в уплату старого долга 26 руб. 78 копеек. Можно предполагать, что вычеты старого долга (18 руб. 71 коп.) были произведены из заработка одного лишь главы семьи и не касались заработка остальных, составившего 230 руб. 05 копеек. Но стоимость топлива и освещения они оплачивали сами; пропорционально их совместному заработку вычет мог составить приблизительно 15 рублей. Итак, из суммы в 363 руб. 92 коп., заработанной всей семьей, после всех удержаний должно остаться на жизнь приблизительно 320 руб. в год, то есть на каждого человека приходилось около 53 рублей³⁶.

В 1835 г. 223 мастеровых основной профессии — ткачей — зарабатывали: от 250 до 300 руб. в год — 20 чел., от 200 до 250 руб. — 72 чел., от 170 до 200 руб. — 38 чел., менее 170 руб. (притом значительно меньше) — 93 человека³⁷.

Штрафы в каждом отдельном случае составляли немалую сумму. Так, в 1836 г. фряновский ткач Ефим Тетеркин был дважды оштрафован на 20 руб., то есть, возможно, более чем на свой месячный заработок. Общая сумма штрафов в 1835 г. составила 2,7% от заработка фабричных³⁸.

На Купавинской посессионной мануфактуре по отношению к феодально-зависимым рабочим широко распространялось обычное для капиталистического предприятия экономическое порабощение путем выдачи продовольствия в долг. С 1 сентября по 14 октября 1833 г. рабочие должны были получить задельной платы 2179 руб. 13 копеек. Из них удерживалось в уплату долга за вперед забранное продовольствие и за освещение 1984 руб. 30 копеек. На руки было выдано всего 363 руб. 75 копеек. А кроме того, у купавинских фабричных имелся старый долг³⁹.

И в Купавне и во Фрянове фабричные протестовали против приобретения втридорога продовольственных продуктов у хозяев предприятий. «По получении денег вольно нам покупать провизию там, где мы найдем дешевле», писали в своей жалобе фряновские мастеровые в 1837 г., — а они (владельцы мануфактуры, купцы братья Рогожины. — П. Б.), чрез невыдачу в свое время нам денег, вынуждали оную забирать у них в лавке ценой гораздо дороже, как им правом дозволено, т. е. вместо 10 копеек на рубль — пользы по 20 и 30 копеек». Вызывало их возмущение и то, что с 1830 г. братья Рогожины вычитали 8 руб. в год за освещение; за ремонт инструмента и на покупку нового стали высчитывать по цене гораздо больше вольной; вместо еженедельного расчета производили выплату не чаще чем через 5 недель⁴⁰. С каждым годом номинальная заработная плата фабричных снижалась.

³⁵ Там же, д. 3008, л. 277—277 об.

³⁶ ГИАМО, канцелярия московского гражданского губернатора, ф. 17, оп. 8. св. 2447, 1835 г., д. 11, лл. 114.

³⁷ ГИАМО, канцелярия московского гражданского губернатора, ф. 17, оп. 8, св. 2447, 1835 г., д. 11, л. 120—163 об.

³⁸ Там же, лл. 22 об., 120—143.

³⁹ ЦГАДА, Юсуповы, ф. 1290, оп. 3. ч. 2, 1833 г., д. 3194, л. 15.

⁴⁰ ГИАМО, канцелярия московского гражданского губернатора, ф. 17, оп. 8. св. 2447, д. 11, лл. 7—8.

Падение абсолютного размера заработка объяснялось и тем, что в шелковом производстве, особенно на старых посессионных предприятиях, изготовлявших дорогие ткани, усиливались трудности сбыта. Рабочие неоднократно заявляли, что могли бы заработать больше, да делать было нечего, станы простаивали, сырья не хватало. Значительные колебания хлебных цен, в общем постоянно повышавшихся, также влияли на уровень реальной заработной платы.

Низкое состояние техники, почти полное отсутствие механических двигателей не позволяли расширить применение женского и детского труда на основных производственных операциях, но зато все вспомогательные работы: размотка шелка, кручение, трошение и т. д. — производились женщинами и детьми, получавшими 20—30 руб. в год.

На посессионных шелкоткацких предприятиях имелась небольшая привилегированная прослойка высокооплачиваемых мастеров. Так, на Купавинской посессионной мануфактуре в 1831 г. некоторые мастера, в правовом отношении находившиеся на общем положении, вместе с тем получали в год солидное жалованье: красильный мастер — около 400 руб., «мастера ткальные» — 240—480 руб., мастер по составлению рисунков и узоров — 216 рублей⁴¹.

Если организация производства и труда на посессионных мануфактурах строилась зачастую по-капиталистически, то владельцы вотчинных промышленных заведений усваивали лишь отдельные элементы капиталистического способа хозяйничанья (работа на рынок, система зарплаты). Например, на шелковой фабрике помещика Окулова (существовала до начала 40-х годов в Бронницком уезде) крестьяне получали заработную плату (землю они почти не обрабатывали) товарами, и то после сбыта владельцем продукции. Волнения на этой фабрике в 1841 г. были вызваны полным обнищанием крестьян. Недовольные требовали выдачи зарплаты деньгами и независимо от сбыта⁴². Крестьяне добились кое-каких уступок, но в 40-е годы фабрика, видимо, была закрыта.

На купеческих мануфактурах вопрос с зарплатой обстоял проще. Состав рабочих в правовом смысле был однородным (вольнонаемные); только в единичных случаях купцы эксплуатировали труд работников, приписанных к предприятию на посессионном праве. Вольнонаемные получали более высокую плату за свой труд, чем посессионные рабочие. Однако из-за того, что вольнонаемные платили за себя подати и оброки, их заработок заметно снижался.

На шелковой фабрике богородского купца Якова Карпова в 1828 г. было 800 рабочих, получавших задельной платы 75 тыс. рублей. Опубликовав эти цифры в специальной заметке о фабрике, редакция «Журнала мануфактур и торговли» заключала (в примечании издателя): «Разложивши 75 тысяч рублей на 800 человек, придется каждому работнику кругом менее 94 рублей в год. Это очень немного! Если в том же числе работник должен сам себя кормить, то ему едва останется, чем уплатить оброк и другие повинности. При такой бедной плате мастеровые останутся в жалком состоянии»⁴³. Не рискуя прямо говорить о феодально-крепостническом гнете, журнал все же более объективно оценивал тяжелую систему капиталистической эксплуатации.

Если содержатель посессионного заведения был обязан придерживаться какого-то минимума заработной платы, установленного пра-

⁴¹ ЦГАДА, Юсуповы, ф. 1290, оп. 3, ч. 2, 1831 г., л. 3166, лл. 2 об.-3.

⁴² «Донесение Бронницкого уездного предводителя дворянства Н. П. Новикова московскому губернскому предводителю дворянства о положении на шелковой фабрике помещика Окулова». «История пролетариата», 1933, № 4, стр. 211—212.

⁴³ «О шелковой фабрике купца Карпова». «Журнал мануфактур и торговли», 1828, № 4, стр. 103.

вительственными органами для содержания семей безземельных крестьян-работников, то предприниматель-капиталист, эксплуатировавший труд наемных рабочих, часто связанных с деревней, с землей, оказывался совершенно свободным в установлении размеров их заработка.

Рабочие шелковой фабрики купца Сопова в 1851 г. пожаловались на изменение расценок. Власти взяли фабриканта под свою защиту: он, мол, заранее объявил о снижении платы, рабочие могли не согласиться и взять расчет, а раз они этого сразу не сделали, значит, смирились и их запоздавшая жалоба незаконна⁴⁴.

Купеческие мануфактуры чаще, чем посессионные, применяли труд малолетних. Этим владельцы шелкоткацких заведений добивались экономии на заработной плате. В 1854 г. по Богородскому уезду 44 фабриканта шелковых тканей подали ведомости о составе рабочих. Сорок три владельца использовали труд малолетних: в числе 3 681 фабричного было 443 малолетних (12,3%)⁴⁵.

Владельцы купеческих мануфактур вели наступление на права рабочих: снижали расценки, сокращали производство, увольняли рабочих, сравнительно широко применяли труд малолетних. Но и фабриканты и содержатели посессионных предприятий осуществляли политику постоянного снижения заработной платы, доводя рабочих до обнищания.

Стихийные выступления мастеровых людей посессионных и «вольных» фабрик за повышение заработной платы вынуждали предпринимателей прибегать к уменьшению необходимого рабочего времени путем применения более совершенной техники и повышения производительности труда. Специфические свойства шелкового сырья тормозили введение технических усовершенствований его обработки. Особенно задерживалось внедрение механических двигателей. И все же владельцы шелкоткацких заведений вынуждены были производить капитальные затраты на оборудование.

В 20-х годах братья Рогожины, содержатели Фряновской посессионной мануфактуры, применили первыми в России жаккардовские станки для производства узорчатых тканей. В 1843 г. в Московской губернии их было свыше 22%⁴⁶. Значительные расходы на оплату труда так называемых карасников, подготовлявших пряжу для ткацких фабрик, привели к значительному числу изобретений. В 1829 г. шелковод А. Ф. Ребров изобрел машину для мотания, трощения и сучения шелка. В 1836 г. была дана привилегия на введение в России шелкомотальной и сучильной машины Эрзама. В следующем году московский купец Бокков предложил изобретенную им подобную же машину. В 1839 г. основатель общества распространения шелководства в Закавказье Трибодино получил привилегию на машину для прядения, трощения и сучения основы. В начале 40-х годов московский механик Крипнер создал мотальную машину, годную специально для обработки азиатского шелка; в течение короткого времени изобретатель построил 40 таких машин⁴⁷. Однако новые станки и машины внедрялись в шелкоткацкой промышленности исключительно слабо и почти не облегчали труд рабочих.

⁴⁴ ГИАМО, канцелярия московского гражданского губернатора, ф. 17, оп. 24, св. 817, 1851 г., д. 245, л. 7 об.

⁴⁵ Там же, оп. 27, св. 861, 1854 г., д. 327, лл. 74 об.-82.

⁴⁶ Л. Самойлов. Указ. соч., стр. 1—6, 34—36, 71—75, 81, 84, 87, 93, 103, 113, 119.

⁴⁷ ЦГИАЛ, департамент мануфактур и внутренней торговли министерства финансов, ф. 18, оп. 2, д. 599, лл. 15 об.-16; см. также М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М. 1949, стр. 123.

Острая борьба между хозяевами мануфактур и рабочими шла из-за денежных расчетов. Шестеро рабочих Фряновской мануфактуры в конце 1836 г. потребовали выдачи им зарплаты хлебом и деньгами. Контора отказала. По ее подсчетам, все шесть просителей в общем задолжали фабрикантам 385 руб. 74 коп., выработали за 8 месяцев 773 руб. 52 коп., уплатили долга 130 руб. 88 коп., остались должны 260 руб. 44 копейки. Тогда около 200 человек «единогласно от взятия провизии отказались, а требовали в очистку наличные деньги». Контора была вынуждена удовлетворить требования рабочих⁴⁸. Попытки владельцев Фряновской мануфактуры поступить с фабричными, как с крепостными, и перевести их, оторвав от семьи, на работу в другое место, а также заставить выплачивать начисляемую на них задолженность встречали дружный отпор. В своем заявлении в московское губернское правление, рассказывая об одном из случаев массового неповиновения, купцы Рогожины выразили опасение, как бы фабричные «не усилили своего неповиновения далее и тем не привели бы в расстройство всего порядка на фабрике»⁴⁹. Протесты посессионных фабричных людей были направлены против нищенской оплаты труда, незаконных поборов, злоупотреблений при рекрутских наборах и т. д.⁵⁰.

Стихийные выступления посессионных рабочих шелкоткацких мануфактур нередко принимали характер нападения на представителей фабричной администрации. Дело доходило до столкновения с вызванными фабрикантами войсками. Непосредственным действиям рабочих предшествовало иногда обсуждение ими своих насущных нужд на сходке. Так было в Купавне в 1832 г., когда собралось 200 фабричных⁵¹. В 1834 г. купавинские мастеровые снова заволновались. Устраивая сходки в лесу, они выбирали из своей среды старост, поверенных, сотских, отправляли их в Москву и Петербург для подачи жалоб, просьб, заявлений. Годами содержали фабричные всем миром своих представителей. На сходке в 1834 г. в Купавне были произведены «заручные записки, чтобы всем миром стоять друг за друга накрепко»⁵². Вожаками масс, зачинщиками сходок и волнений становились ходоки или поверенные. Многие из них являлись душой дела и своим авторитетом поднимали на борьбу менее сознательных. В это время проявилось уже стихийное стремление к объединению.

Было бы неверно усматривать в выступлениях посессионных фабричных 30—50-х годов определенно выраженную пролетарскую направленность и солидарность, поскольку отсутствовала свойственная пролетариату последовательность в борьбе: еще значительной была прослойка пассивных элементов.

Волнения приписных и покупных работников ускорили перестройку посессионной мануфактуры в капиталистическую. В 1835 г. на Фряновскую фабрику было нанято около 1 300 вольнонаемных (посессионных было 732). Те и другие вели борьбу за улучшение условий труда. В 1835 г. свыше 300 вольнонаемных выступили с резким протестом по поводу жульнической продажи хлеба в фабричной лавке и бросили работу. С помощью земского суда и исправника волнение было подавлено.

Выступления фабричных крестьян имели место и на вотчинных ма-

⁴⁸ ГИАМО, канцелярия московского гражданского губернатора, ф. 17, оп. 8, св. 2447, л. 11, лл. 99—99 об., 101—102.

⁴⁹ Там же, оп. 1, св. 370, 1828 г., д. 13577, лл. 1—5; оп. 8, св. 2447, 1837 г., д. 11, лл. 100 об.-101, 112 об.-113.

⁵⁰ Там же, оп. 8, св. 2447, 1837 г., д. 11, приложение к л. 11; ЦГАДА, Абамялек-Лазаревы, ф. 1252, оп. 1, ч. 2, 1822 г., д. 3017, лл. 35—38 об.; 1825 г., д. 3019, л. 16—16 об.

⁵¹ ЦГАДА, Юсуповы, ф. 1290, оп. 4, ч. 1, 1832 г., д. 1189, лл. 166—167.

⁵² К. А. Пажи и т. о. в. Положение рабочего класса в России. Том I. Период крепостного труда. Л. 1925, стр. 260—261.

нуфактурах. Небольшое вотчинное заведение помещика Окулова в 30—40-е годы испытывало трудности сбыта. Низкая заработная плата, зависевшая от реализации товара, неаккуратная ее выплата, всевозможные вычеты, затруднения для подавляющей части фабричных крестьян в пользовании землей — все это делало положение крепостных рабочих очень тяжелым. Подав в 1841 г. жалобу правительству на непосильный гнет, крестьяне стали терпеливо ждать. Помещик и арендатор фабрики чиновник Казаков немного уступили крестьянам, чтобы прекратить беспорядки. Но хозяева не пошли на ликвидацию основных причин недовольства. Зависимость заработанных денег от сбыта продукции сохранилась. Сделан был даже еще один шаг по этому пути: рабочим было предложено вместо денег получать товар и самим наладить его сбыт. Решение существенной производственной проблемы и материальные затраты, связанные с нею, Окулов и Казаков, таким образом, переложили на плечи крепостных⁵³.

К сожалению, в сохранившихся архивных материалах очень мало сведений о волнениях рабочих «вольных» купеческих фабрик шелковой промышленности. Лишь в делах канцелярии московского гражданского губернатора за 1851 г. содержится переписка должностных лиц по поводу выступления рабочих двух фабрик: Сопова и Кондрашева. На шелкоткацком предприятии купца С. Д. Сопова в Богородском уезде 13 фабричных бросили работу и 26 марта 1851 г. отправились в Москву принести жалобу по поводу низких расценок. Через четыре дня попросили расчета еще 6 рабочих. Обследование заведения Сопова чиновником канцелярии генерал-губернатора вскрыло многие нарушения существовавших тогда правил, в частности незаконные вычеты и изменения в зарплате без предупреждения рабочих. Богородский исправник, со своей стороны, отрицал имевшее место беззаконие и стал на сторону фабриканта.

Из дела выясняется интересная подробность, касавшаяся организации производства и системы оплаты на некоторых «вольных» купеческих заведениях. Так, на фабрике Сопова, как оказалось, не существовало четкого разделения труда. Сновку должны были производить сами ткачи, а вместо не умеющих готовить основу нанимали специальных мастеров, которые получали плату за счет ткачей. Такого рода вычеты заметно снижали заработную плату «вольных» рабочих и существовали, вероятно, на многих незначительных по размерам купеческих фабриках. Жалобщики получили расчет, и вместе с тем их до окончания расследования посадили под арест, строго-настрого запретив «утруждать начальство неосновательными просьбами»⁵⁴.

В марте 1851 г. протестовали против понижения зарплаты рабочие фабрики И. М. Кондрашева. В волнениях принял участие около трети ткачей. Хозяин немедленно рассчитал недовольных и в то же время обратился к приставу с просьбой о содействии в подавлении беспорядков. Ткачи отказались брать расчет и твердо стояли на своем. Дело кончилось тем, что, не добившись уступок, половина из них смирилась, а остальные были вынуждены прийти за расчетом⁵⁵.

Сразу же после событий на фабриках Сопова и Кондрашева появилось несколько циркулярных писем московского военного генерал-губернатора о принятии необходимых мер по предупреждению в дальнейшем беспорядков на фабриках. В частности, предписывалось вести на всех фабриках Московской губернии специальные расчетные тетради, а

⁵³ Подробно о волнениях на фабрике Окулова см. Н. В. Устюгов. Указ. соч., стр. 207—213.

⁵⁴ ГИАМО, канцелярия московского гражданского губернатора, ф. 17, оп. 24, св. 817, 1851 г., д. 245, лл. 1, 4—8, 12—12 об., 15.

⁵⁵ Там же, д. 244, л. 1—1 об.

жалобы рассматривать незамедлительно, не доводя дело до волнений⁵⁶. Однако волнения «вольных» рабочих после этого не прекратились.

В старой шелкоткацкой промышленности капиталистическая тенденция в развитии проявлялась медленнее, чем в хлопчатобумажной. Отдельные стороны промышленного переворота выступали недостаточно отчетливо. Росту производительных сил заметнее, чем в хлопчатобумажной промышленности, мешали узкие рамки феодально-крепостнических отношений, укоренившиеся в шелкоткачестве (с начала XVIII века). Особенности шелка как промышленного сырья при общем уровне развития тогдашней техники были добавочным тормозом внедрения механизмов. Мешало и то, что многие десятилетия не удавалось разрешить сырьевую проблему. Крепостническая система сельского хозяйства задерживала развитие шелководства и совершенствование обработки русского и закавказского шелка. Большая часть капиталов российских фабрикантов шелка тратилась не на совершенствование производства, а на приобретение итальянского, французского и восточных шелков, стоивших очень дорого. Техника ткачества оставалась ручной. Прибыли оказывались невысокими, часть капиталов переливалась в хлопчатобумажную промышленность.

Социально-экономические изменения, происходившие в 30—50-е годы XIX в. в шелкоткацкой промышленности, позволяют рассматривать ее историю в связи с проблемой промышленного переворота. К началу 40-х годов прекратили свое существование шелкоткацкие посессионные и вотчинные предприятия; увеличился удельный вес в производстве крупных капиталистических мануфактур. Возросло значение буржуазной собственности на средства производства, формировались кадры наемных рабочих, классовые выступления принимали формы экономической борьбы пролетариата. Однако в середине XIX в. шелкоткацкая капиталистическая мануфактура еще не смогла полностью устранить мелкую промышленность и утвердить свое господство в общественном производстве.

⁵⁶ Там же, св. 810, 1851 г., д. 56, л. 1; св. 817, 1851 г., д. 284, л. 4—4 об.